

А.А. Пасс

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА КООПЕРАТИВНОГО «БИЗНЕСА» В СССР (1950-е гг.)

Анализируется организационная структура промышленной кооперации, сложившаяся к концу 1950-х гг. Показаны основные звенья кооперативного аппарата и направления его совершенствования. Уделено внимание положениям Примерного устава артели, регламентировавшего ее деятельность, и подразделениям, которые осуществляли просветительную и физкультурную работу, социальное страхование и жилищное строительство. Названы причины передачи производственных кооперативов в государственную собственность.

Ключевые слова: СССР; 1950-е гг.; промышленная кооперация; устав промышленной артели; огосударствление кооперативной промышленности.

Социально-экономическую ситуацию в России продолжает определять кризис самоидентификации. Попытки реформирования социализма не предотвратили ни окончательной дискредитации коммунистических идей, ни развала СССР с последующим изменением общественного строя. Однако за четверть века господства либеральных установок эффективные механизмы саморазвития создать не удалось. В настоящее время в нашей стране, если исходить из классификации американского социолога И. Валлерстайна, сложился периферийный капитализм экспортно-сырьевой ориентации¹. Попытки его «модернизировать» нивелируются периодическими финансовыми потрясениями, вызванными действиями крупных игроков мировых фондовых и валютных рынков. Ухудшение международной ситуации, выражающееся в насильственной смене политических режимов в ряде стран, «войне санкций» и т.д., приводит к резким колебаниям мировых цен на энергоресурсы, являющиеся главным экспортным товаром РФ.

В обстановке нестабильности национальные элиты оказываются неспособными реализовывать долговременные планы экономического роста. Кризис доверия по отношению к «сверхпроектам» и их способности обеспечить приемлемый уровень благосостояния для большинства населения требуют научного анализа альтернативных хозяйственных форм, которые, как показывает практика, при этом не сокращаются, а возрастают. Тем самым актуализируется исторический опыт существования в нашей стране параллельных экономических структур в виде кооперативных предприятий и организаций, ранее свыше 40 лет успешно противостоявших натиску этатистской автократии, а теперь достаточно уверенно чувствующих себя в «стихии рынка».

Самодетельным производственным ассоциациям, получившим в России наименование промышленных артелей, свойственны традиционно-коллективистские черты, заключающиеся в извлечении экономических и социальных выгод из объединения личных средств и трудовых усилий граждан. Этим они кардинально отличаются от частнопредпринимательского и корпоративного капитализма. Но кооперация обладает и целым рядом характеристик, имманентных индустриальному обществу. Среди них: реализация индивидуальных интересов через широкое распространение

обобществляемой частной собственности; коммерческий характер деятельности; возможность дрейфа кооперативных товариществ, в случае достижения ими успеха, в сторону коллективной капиталистической собственности [2. С. 96].

Указанные обстоятельства предопределили неоднозначное отношение к отечественной практике кооперативного строительства. С первых лет советской власти в декретах и постановлениях провозглашалась необходимость всемерного укрепления и развития кооперативных объединений трудящихся, совершенствования социальных принципов кооперации. Но в реальной жизни отчетливо просматривалось стремление к национализации кооперативной собственности как менее развитой, «низшей» по сравнению с «общенародной» ее формой. Именно эта тенденция, в конце концов, победила. В 1960 г. промкооперация была полностью упразднена. Ее предприятия оказались в ведении местных властей, а самые крупные переданы совнархозам. Результатом явилась ликвидация большинства из них. Народное хозяйство лишилось существенных объемов товаров широкого потребления, продукции, требующейся сельскому хозяйству, ремесленных изделий. Были потеряны кадры специалистов, навыки и умения, накопленные поколениями мастеров, преданы забвению кооперативно-коллективистские принципы управления производством. Госпредприятия стали монополистами рынка, что привело к росту цен, вымыванию и полному исчезновению дешевых товаров [3].

Усиление негативных явлений в социальной сфере (тотальный дефицит, экспансия теневых и криминальных практик в производстве и распределении продуктов массового спроса) послужило в начале 1990-х гг. основанием для очередной, теперь уже либерально-капиталистической «революции», осуществившей демонтаж советской системы. Резкое падение валового внутреннего продукта, сокращение реальных доходов трудящихся, провал в демографическую яму – такую цену пришлось заплатить российскому обществу за некомпетентные решения, некогда продиктованные идеологической зашоренностью правящих «коммунистических» элит².

Возникает закономерный вопрос: а была ли альтернатива огосударствлению (читай: уничтожению)

промысловых кооперативов в СССР? Современные реалии развитых стран, например Японии, позволяют однозначно сказать «да». Там уже продолжительное время существуют устойчивые объединения крупных фирм со средними и мелкими предприятиями – «кей-ретсу». Их структура напоминает пирамиду, где головная фирма является вершиной. По мере приближения к основанию размеры предприятий уменьшаются, а их количество возрастает. В Италии промышленные ассоциации небольших фирм являются базисом «индустриальных округов» [4. С. 129–130; 5. С. 132].

Приведенные факты убеждают в необходимости объективной оценки прошлого, учета достижений и ошибок с тем, чтобы обеспечить устойчивое развитие национального хозяйства, повышения уровня и качества жизни россиян. В рамках гуманитарных наук накоплено достаточно данных для утверждения о большей эффективности сложных и противоречивых, даже парадоксальных по своему составу социальных систем [6. С. 111]. В этом отношении важен опыт сосуществования в Советском Союзе индустриального и кооперативно-промыслового укладов, в частности, в 1950-е гг., когда были достигнуты беспрецедентные темпы роста экономики [7. С. 87]. Тогда производственные кооперативы продемонстрировали незаурядные способности в развертывании местной инициативы и предприимчивости в обеспечении повседневных нужд людей. Напомним, что в предшествующее десятилетие – в годы Великой Отечественной войны, а затем и четвертой пятилетки – на территории России возникла и продолжала усиливаться колоссальная диспропорция в соотношении тяжелой и легкой промышленности, военного и гражданского секторов.

К началу 1950-х гг. советская промкооперация (12 667 артелей и 1 844 тыс. работников, 2 научно-исследовательских института, 22 экспериментальные лаборатории, 100 конструкторских бюро) выпускала 33 444 наименования товаров на сумму 31,2 млрд руб. [8. С. 188; 9. С. 53; 10. С. 6]. В ассортимент входили предметы домашнего обихода, в том числе холодильники, пылесосы, стиральные машины, мебель, посуда, скобяные изделия, детские игрушки, культтовары, стройматериалы, продукты питания и проч. Артели занимались и бытовым обслуживанием населения: шили и ремонтировали одежду и обувь, держали химчистки, прачечные, парикмахерские, фотоателье, осуществляли транспортные, погрузочно-разгрузочные и иные работы. Их доля в данных видах деятельности достигала 60–80% [11. С. 489]. Наибольшее развитие кооперативные предприятия получили на Украине, в Московской и Ленинградской областях. В 1950 г. указанные регионы давали 40% продукции промкооперации [12, 13]. Некоторые товарищества располагали прессами, токарными станками, электромоторами и другими механизмами. Технологический парк малых негосударственных предприятий по стране в 1950 г. составлял 380 тыс. единиц [10. С. 16]. Однако в подавляющем большинстве кооперативы являлись арендаторами помещений, в них по-прежнему преобладал ручной труд.

Артели могли быть как специализированными, так и многопромысловыми. Инженерно-технические кадры для них готовились в Высшей школе промышленной кооперации, где в 1954 г. открылись факультет инженеров-механиков и отделение повышения квалификации руководящих работников, а в 1960 г. – аспирантура по специальностям: «Химическая технология волокнистых материалов», «Технология швейного производства», «Механическая технология древесины», «Экономика, организация и планирование производства». В 21 среднем специальном учебном заведении промкооперативной системы готовили мастеров и технологов [14]. Рабочие профессии можно было получить на централизованных курсах, в кружках техминимума, в порядке индивидуального и бригадного ученичества.

14 июля 1950 г. вышло Постановление Правительства СССР «Об организационной перестройке и укреплении кооперативных основ», в соответствии с которым уже в августе-сентябре была произведена реорганизация кооперативной системы страны. Главное управление по делам промышленной и потребительской кооперации при Совете Министров СССР (далее СМ СССР), действовавшее в годы четвертой пятилетки, упразднилось. Воссоздавались Центральный совет потребительской кооперации (Центросоюз) и Центральный совет промышленной кооперации (далее Центропромсовет, или ЦПС). Эти мероприятия находились в русле общего курса, проводимого И.В. Сталиным в послевоенный период и направленного на восстановление «демократических процедур» в партии, комсомоле, профсоюзах. Большая заслуга в возрождении выборных кооперативных органов и коллективистских начал в деятельности артелей принадлежит А.И. Микояну. Будучи заместителем Председателя союзного Правительства, он неформально курировал эту сферу [15. С. 48].

В РСФСР вместо государственного ведомства – Управления промкооперации при Совете Министров (СМ РСФСР), которое функционировало с декабря 1941 г., была учреждена общественная организация – Российский промышленный совет (Роспромсовет). Перед ним ставилась задача развязать инициативу и самодетельность на местах при строгом соблюдении кооперативного устава. На базе существовавших ранее региональных управлений промкооперации, подчинявшихся, с одной стороны, – уполномоченному, назначаемому центром, а с другой – обл-, горисполкомам, возникли областные и городские промышленные советы. Они также имели двойное подчинение – Роспромсовету и местным властям [16. С. 330]. В структуре СМ и Госплана РСФСР были предусмотрены соответственно группа и отдел промкооперации, куда стекалась вся информация о ее деятельности [17. С. 9]. Всероссийский союз кооперации инвалидов (Всекоопинсоюз) некоторое время продолжал оставаться в компетенции Министерства социального обеспечения РСФСР, однако его в 1953 г., как и прежде самостоятельный Российский лесопромышленный совет, включили в структуру Роспромсовета.

Организационные изменения в провинции проиллюстрируем на примере Южного Урала, где имел ме-

сто средний уровень развития промсистемы. Так, в Челябинской области промысловый совет (далее ОПС) был создан в конце июля 1950 г. собранием уполномоченных областных кооперативных союзов. Оно же сформировало правление, назначило председателя (им стал С.С. Гончаров) и ревизионную комиссию (срок полномочий 2 года). В функции облпромсовета входило кооперирование кустарей-ремесленников, содействие созданию новых кооперативов и промыслов, проведение ревизий, оказание правовой помощи, представительство в вышестоящих инстанциях, определение планов производства, руководство капитальным строительством, подготовкой кадров и культурно-просветительской деятельностью. В его штатном расписании предусматривалось 6 отделов: производственно-технический, планово-экономический, организационно-ревизионный, финансово-счетный, сбыта и торговли, административно-хозяйственный; и 2 сектора: капитального строительства, кадров и трудоустройства. Итого 33 должности: руководители, инженерно-технические работники и специалисты, вспомогательный персонал [18].

К началу 1950-х гг. ОПС объединял два отраслевых подразделения – металло- и швейно-кожевенный промысловые союзы³, в которых состояло 58 артелей и 5 891 член. Они вырабатывали товаров и услуг на сумму 159 174,3 тыс. руб.⁴ Производственные площади составляли 52 788 м², в среднем по 910 м² на артель. Совокупная мощность электроустановок равнялась 1 914,15 л.с., а энерговооруженность в расчете на 1 рабочего – 0,47 кВт. Имелись 3 трактора, 71 автомашина (1 легковая), 255 лошадей, 25 волов. Тяговая сила применялась, в том числе, в подсобном хозяйстве, где засеивалось зерновыми, овощами и картофелем около 100 га угодий [22. Л. 15, 16]. Кооперация инвалидов региона насчитывала 30 артелей с 3 689 членами и годовой программой в 72 100 тыс. руб. Она выпускала гвозди, замки, металлические кровати, мыло, кожаные изделия, обувь, чулочно-носочные изделия, белье, мебель, безалкогольные напитки; оказывала услуги по химчистке, заготовке топлива, охране [23]. В областном лесохимическом промысловом союзе было 19 кооперативов, в которых трудилось 1 324 члена. Лесовики производили мебель, смолу, скипидар, фанеру, мочало, заготавливали деловую древесину. Валовой объем их продукции исчислялся цифрой 22 172 тыс. руб. [24]. Вырубкой леса занимались, в основном, женщины и подростки при отсутствии механизированных средств. Принимая во внимание, что по уставу до 20% численного состава можно было нанимать на стороне, общее количество занятых в кооперативной промышленности Челябинской области (107 действующих артелей) определялось цифрой 13 200 человек. Совокупный объем их валового производства составлял 250 млн руб.⁵ Свыше 80% промысловых товариществ располагалось в Челябинске и других городах области, прочие – в сельских районах. Такая конфигурация объяснялась высокой степенью урбанизации Урала, занимавшего по этому показателю 2-е место в России после Центрального экономического района [26. С. 211]. Городские предприятия, более крупные и лучше оснащенные,

вырабатывали девять десятых продукции системы, поскольку им было проще достать сырье, оборудование, получить техническую помощь экспертов. Но и те, что находились в глубинке, имели важное социальное значение. Так, в 25 км от г. Юрюзани в деревне Меседа действовала лесопромысловая артель «Красноармеец», производившая смолу и пиломатериалы. Ее членами являлись почти все жители этого населенного пункта [27, 28].

С осени 1953 г. лесная и инвалидная кооперации Челябинской области стали действовать под эгидой облпромсовета. Артели с неполноценной рабочей силой приняли участие в образовании двух новых союзов – многопромыслового и ремонтно-бытового⁶, а лесопромысловики организовали областной лесохимический промысловый союз. Первый прекратил свою деятельность в январе 1955 г. по причине специализации товариществ. Остальные были ликвидированы в марте следующего года в рамках кампании «по упорядочению структуры и сокращению административно-управленческих расходов в местных органах промкооперации»⁷. Тогда же по распоряжению Правительства СССР к государственным торгам и потребительским обществам отошли розничные торговые точки, принадлежащие южноуральским артелям. Через них реализовывалась четвертая часть произведенных товаров. В дальнейшем продажи осуществлялись со склада оптовыми партиями по договорам с заказчиками. Инициативу, исходившую от и.о. председателя Центропромсовета А. Загавельева и направленную на искоренение в системе частного предпринимательства и злоупотреблений, поддержал ЦК КПСС. Облторготделу и облпотребсоюзом было передано 80 ларьков и палаток, 3 хозрасчетных магазина с годовым товарооборотом 38 млн руб. [34, 35]. Артельщики лишились возможности торговать дешевыми товарами, изготовленными не по ГОСТу.

В марте 1954 г. по постановлению СМ РСФСР челябинским кооператорам разрешили создать строительномонтажное управление (СМУ ОПС) для возведения цехов и мастерских по выпуску товаров широкого потребления (ТШП). Организовали 4 отдельных участка: челябинский, златоустовский, магнитогорский и троцкий. Но необходимой строительной техникой им обзавестись не удалось. Имелось лишь 10 автомашин, 17 подъемных кранов малой мощности, 16 растворо- и бетономешалок, 1 пилорама. Механизмы заимствовали у стройтрестов, но чаще работали по старинке: лопатами, тачками и мастерками. СМУ ОПС занималось еще и капитальным ремонтом. В порядок приводились здания и помещения, принадлежавшие кооперативам, муниципальные объекты соцкультбыта. Подряды, получаемые от городской казны, ошутимо укрепляли финансовое состояние управления, хотя оно продолжало оставаться планово-убыточным. За период 1954–1959 гг. кооперативный стройтрест увеличил ежегодную стоимость произведенных работ в 2,2 раза – с 2 830 до 62 16,4 тыс. руб. Процент выполнения плана вырос с 38 до 94,7 [36]. К хроническим проблемам относились: отсутствие стройматериалов, сантехники; острый недостаток плотников, штукатуров, каменщиков и электриков; нехватка оборотных средств.

Поскольку отсталость технологии являлась ахиллесовой пятой всей системы, ее пытались преодолеть посредством организации при ОПС конструкторско-технологических бюро (КТБ). В июне 1954 г. КТБ возникло и в Челябинске. Тридцать девять инженеров и техников готовили проектно-сметную документацию, модернизацию производственных процессов и станков, конструировали необходимое оборудование, помогали рационализаторам во внедрении их предложений. Аналогичные заказы выполнялись для предприятий государственной и местной промышленности. КТБ приносило устойчивый доход, в 1958 г. прибыль составила 37,321 тыс. руб. [37].

Нельзя обойти стороной одну из самых значительных организационно-управленческих новаций – передачу в ведение министерств, областных и городских советов депутатов трудящихся наиболее оснащенных и успешных артелей. Ей предшествовали постановления ЦК КПСС, СМ СССР и РСФСР «О реорганизации промысловой кооперации», принятые в апреле и мае 1956 г. [38. С. 297–302; 39. С. 458–459]. Система лишилась 1/3 производственных мощностей, на которых трудилось свыше 600 тыс. работников [40. С. 70]. Объявлялось и об упразднении Центропромсовета. Все его имущество и денежные средства передавались Роспромсовету. В Челябинской области на положении государственных фабрик и заводов оказались 22 артели (каждая четвертая) с числом занятых 3 500 человек. Они давали валовой продукции на 115 млн руб. в год. Стоимость отчуждаемых основных средств оценивалась в 16,5 млн руб. – 37% от их совокупной суммы [35].

Указанные меры знаменовали смену приоритетов в вопросе о том, каким образом следует увеличивать в стране выпуск ТШП и предоставление услуг. Еще в директивах XIX съезда ВКП(б) по пятому пятилетнему плану на 1951–1955 гг. предприятия местной промышленности и промкооперации не только не противопоставлялись друг другу, но должны были действовать сообща [41. С. 270]. Поиск оптимального взаимодействия между ними не исключал расширения кооперативной формы производства и охвата ею предприятий, относящихся к Министерству местной и топливной промышленности РСФСР. Так, в декабре 1953 г. Челябинский облпромсовет принял в свое распоряжение несколько десятков государственных пунктов бытового обслуживания от 9 райпромкомбинатов, уплатив за них сумму балансовой стоимости за вычетом износа [42]. А уже через пять лет в стенограмме XX съезда КПСС, состоявшегося в феврале 1956 г., термин «промысловая кооперация» вообще не упоминался [43].

Невзирая на экспроприацию кооперативной собственности, инициированную высшим партийным форумом, а также очевидное стремление властей обеспечить «чистоту» коммунистического эксперимента, «торговля» муниципальными производственными объектами де-факто продолжалась. Более того, она получила поддержку СМ РСФСР, который 4 марта 1958 г. Постановлением № 218 обязал обл- и горисполкомы сосредоточить ремонтно-починочные работы и индивидуальный пошив одежды и обуви исклю-

чительно в промкооперации. Так, в августе 1958 г. из горместпрома в Челябинский областной промышленный совет перешли (за деньги) 3 швейные фабрики, 20 мастерских и ателье с помещениями и оборудованием. Членами кооперативов в одночасье стали 918 человек. Несмотря на то что они изготавливали продукции в среднем на 21,45 млн руб., ежегодный прирост их производства за период 1955–1957 гг. не превышал 7% (с марта по август 1958 г. имело место снижение выработки на 21%), а рентабельность была ниже 4%⁸. Эти цифры в 2–3 раза уступали аналогичным показателям кооперативных предприятий.

Вскоре, выполняя распоряжение Совета народного хозяйства (СНХ) Челябинского экономического административного района, к продажам швейных и обувных мастерских подключились отделы рабочего снабжения крупных промышленных предприятий. Так, в августе 1958 г. ОРС треста «Коркиноуголь» (г. Коркино) передал свои мастерские кооперативу «Новый путь», а ОРС «Еманжелинскугля» (г. Еманжелинск) – товариществу «Заря». В октябре 1959 г. ОРС завода «Магnezит» (г. Сатка) уступил свои точки бытового обслуживания артели «Восход». Причина заключалась в том, что передаваемые в артели «заводы», «фабрики» и «комбинаты бытового обслуживания» находились в неудовлетворительном финансовом состоянии, их оборудование по большей части было сильно изношено, а технологические процессы оставались такими же, что и в демидовские времена. Например, в кирпичном цехе Троицкого промкомбината, который в 1957 г. вынужденно приобрело товарищество «Красный кустарь», глину для кирпичей... месили ногами! [45]. Чтобы привести цех в порядок, потребовались немалые инвестиции из кооперативного фонда долгосрочного кредитования. Как видим, когда у чиновников появлялось желание (и возможность!) сбросить с баланса нерентабельные производства, за руководство которыми они несли персональную ответственность, идеология отступала на второй план. И, напротив, под благовидным предлогом организационных перестроек и оптимизации управления государство изымало средства из промкооперативной системы и направляло их в другие, более важные с его точки зрения сферы.

Руководствуясь этими соображениями, Российское правительство в июле 1957 г. решило сосредоточить все городские заготовки вторичного сырья в промкооперативной системе. Челябинская контора Главвторсырья перешла в ведение облпромсовета, которому удалось развить этот вид деятельности. Планы закупок и отгрузки вторичных материалов постоянно перевыполнялись, себестоимость заготовок снижалась. Контора ежеквартально приносила прибыль свыше 100 тыс. руб. Летом 1960 г. за отличные показатели ее представили к республиканской премии [46. С. 40; 47]. Очередное нововведение, предложенное Роспромсоветом, в июле 1958 г., заключалось в прекращении полномочий Челябинского городского промышленного совета и передаче опекаемых им артелей во вновь организованный областной промсоюз бытового обслуживания. Предполагалось, что это повысит уровень предоставляемых южноуральцам услуг. Че-

рез полтора года облизполком усмотрел параллелизм в работе двух руководящих структур – облбытпромсоюза и облпромсовета, и настоял на роспуске упомянутого союза [48].

Наряду с реорганизациями, инициируемыми центром, изменения в системе проводились и самими кооператорами. Существовала необходимость специализации производственных единиц. С этой целью осенью 1953 г. из многопромсоюза в лесхимпромсоюз перевели товарищество «Красный Октябрь» (г. Аша), поскольку основным в его деятельности являлась деревообработка. В швейкожсоюз из металлопромсоюза перебрали артель «Родина» (г. Усть-Катав), ввиду того, что большая часть ее валовой продукции приходилась на пошивочный цех. Освободившись от непрофильных подразделений и улучшив снабжение сырьем и материалами, эти предприятия уже в следующем году смогли внедрить поточный метод производства. Весомым основанием для перемен являлась малочисленность персонала или дублирование ассортимента. Так были слиты товарищества «им. Островского» и «им. Осипенко» (г. Миньяр), «Урал» и «1 мая» (г. Сим), «Металлобытремонт» и «Гончар» (г. Челябинск). В последнем случае (1959 г.) решающим обстоятельством стали ветхость цехов в одной артели и наличие свободных площадей для расширения производства в другой; эффект от объединения выразился в сокращении 5 управленцев с зарплатой 11 460 руб. и экономии 25 900 руб. на внутрихозяйственных расходах.

Порой вопрос о существовании кооператива возникал после рассмотрения его производственно-хозяйственной деятельности в райисполкоме. Например, объектом внимания на заседании РИКа Нязепетровского района в августе 1959 г. стало товарищество «Красный кустарь». Отмечалось, что план семи месяцев по валу выполнен на 86%, а по реализации – на 62% при плохом качестве продукции. Задолженность по заработной плате в 50 тыс. руб. привела к массовым прогулам, из-за чего возведение лесосушилки превратилось в долгострой. От председателя правления М.Ф. Вохмякова потребовали взыскать дебиторскую задолженность, наладить учет, улучшить организацию труда. ОПС попросили выделить артели грузовой автомобиль и трактор [49]. Если не помогала санация, убыточные предприятия закрывались. Подобная участь в 1954 г. постигла артель «Заря» (г. Юрюзань), в 1956 г. «Красный кожевник» (г. Копейск), в 1959 г. артель «им. Братьев Буяновых» (поселок Кропачево). Их имущество распределили среди более успешных коллег [50].

Иногда процедура ликвидации длилась годами. Так, товарищество «им. братьев Буяновых» в апреле 1955 г. проверил ревизор Челябинского ОПС Н.А. Щербатов. Отчетная документация вызвала у него подозрение. В июне в Кропачево прибыли старшие инспекторы ЦПС и РПС К.Г. Гершкович и Е.В. Васильева. Выяснилось, что пользуясь попустительством руководства металлопромсоюза, группа работников (кассир, бухгалтер и кладовщик) при содействии председателя Чистякова в течение трех лет путем хищений материальных ценностей и денежных

средств нанесли артели ущерб на сумму 362,1 тыс. руб. Чтобы скрыть следы преступления, они фальсифицировали баланс. Правление и ревизионную комиссию кооператива распустили, акт проверки передали следственным органам, которые арестовали подозреваемых [51]. В начале 1956 г. артель была признана неплатежеспособной. Вслед за этим последовала еще одна проверка, на этот раз комиссии Госконтроля РСФСР. Результаты оказались те же. Однако Роспромсовет, идя навстречу просьбам местных властей и Челябинского ОПС сохранить предприятие, распорядился выдать «братьям» беспроцентную ссуду 102,8 тыс. руб. на покрытие убытков и пополнить оборотные средства на 432 тыс. руб. Однако к концу 1958 г. долг кооператива возрос до 804,2 тыс. руб. притом, что его собственные средства выражались суммой 426 тыс. руб. Роспромсовет предложил Челябинскому облпромсовету ликвидировать предприятие. Но вмешался райисполком Миньярского района (населенный пункт Кропачево находился в его ведении), посчитавший данный шаг преждевременным. Он обратился в ОПС с требованием о повторном списании с артели убытков. Решение этого вопроса было в исключительной компетенции РПС, а он уже выразил свое мнение. В конце концов, облпромсовет заручился поддержкой облизполкома и завершил дело о банкротстве [49. Л. 109, 110].

Совершенствование организационной структуры кооперативного аппарата в Челябинской области носило перманентный характер. В январе 1959 г. была предпринята попытка создания собственной правовой службы на базе юридической консультации артели инвалидов «За Родину». Просуществовав полгода, она была распущена ввиду слабой востребованности ее услуг внутри системы и на рынке. В октябре 1959 г. секторы капитального строительства, кадров и трудоустройства ОПС были преобразованы в отделы, его штатное расписание увеличилось до 72 единиц. В июне 1960 г. обком КПСС распорядился объединить весь кооперативный автомобильный транспорт в одно автопредприятие и обязал облпромсовет выделить для возведения общего гаража 100 тыс. руб., но этим планам воплотиться уже было не суждено [52].

Итак, накануне полного упразднения и безвозмездной передачи активов промкооперации в государственную собственность в Челябинском ОПС были представлены: 21 отрасль производства, 74 артели, управление снабжения и сбыта, строительно-монтажное управление, конструкторско-технологическое бюро и курсовая база подготовки кадров. На удовлетворение повседневных нужд южноуральцев работали 214 кооперативных мастерских, в том числе по индивидуальному пошиву и ремонту одежды – 44; обуви – 46; трикотажу – 5; починке бытовой техники – 58; изготовлению и реставрации мебели – 5; ремонту квартир – 3. Имелась фабрика химчистки с 19 приемными пунктами, 25 фотоателье, 11 парикмахерских. В год на душу населения оказывалось услуг на 42 руб. На протяжении 1950-х гг. областные промысловые советы осуществляли сначала общее, а после ликвидации отраслевых союзов и передачи наиболее оснащенных артелей в государственную промышленность, – и

непосредственное управление подотчетными предприятиями. При этом преследовалась цель «дальнейшего развития промкооперации и улучшения организационно-хозяйственного обслуживания артелей». Что касается отраслевых союзов, то вплоть до своего роспуска они занимались снабжением и сбытом. Их учреждала группа промысловых артелей, близких по роду занятий или расположенных в одной местности. Руководило союзом собрание уполномоченных представителей от каждого входящего в него товарищества. Оно же избирало правление и ревизионную комиссию. Содержание аппарата целиком возлагалось на кооперативы. Один процент от себестоимости реализованной продукции отчислялся профсоюзному союзу, а последнюю половину полученных денег переводил облпромсовету. После перехода на двухзвенную систему, предполагавшую прямое подчинение артелей ОПС, расходы сократились вдвое. Очевидно, что система управления кооперативным аппаратом строилась на демократических принципах выборности и подотчетности вышестоящих органов нижестоящим. Кандидатуры руководителей промсовета и промсоюзов, в соответствии с установленным в те годы порядком, обязательно утверждались партийными комитетами, мнение которых было весомым, но не определяющим. В номенклатурный перечень должностей, контролируемый обкомом или горкомом КПСС, они не входили.

Первичным звеном кооперативной сети являлась артель, деятельность которой регламентировалась уставом. Его отправной вариант был одобрен Всесоюзным кооперативным промысловым советом в 1934 г. Существовали три редакции этого документа. Первую модифицированную версию приняло I Всесоюзное собрание уполномоченных промкооперации 20–24 ноября 1950 г. Вторую подготовил Центропромсовет 13 июля 1953 г. Третью предложил Роспромсовет 1 апреля 1958 г. Изменения мотивировались: 1) необходимостью ограничить применение надомных форм труда, чтобы воспрепятствовать проникновению в товарищества предпринимательских элементов⁹; 2) регламентированием торговых операций для борьбы с хищениями; 3) повышением роли общих собраний в управлении хозяйственной деятельностью и развитии кооперативной демократии. Воспрещалось членство в разных артелях, увеличивалось минимальное число учредителей, детально прописывалось наложение санкций на провинившихся членов и апелляций по ним. Однако фундаментальные принципы организации и функционирования артели оставались неизменными.

Вступать в нее могли граждане, достигшие 16 лет и внесшие вступительный и паевой взносы. В соответствии с постановлением Челябинского ОПС № 131 от 3 апреля 1958 г. вступительный взнос составлял 15 руб. Он был безвозвратным и зачислялся в основной фонд. Паевый взнос устанавливался в объеме среднего двухмесячного заработка, мог уплачиваться в рассрочку и возвращался владельцу при переходе на другую работу, мобилизации в армию или выходе на пенсию [54]. Для учеников устанавливался возрастной ценз 15 лет. Когда количество участников товарищества не превышало 300 человек, важные произ-

водственные и кадровые вопросы выносились на общее собрание, которое созывалось 1 раз в квартал. Если коллектив был более многочисленным или производственные объекты рассредоточены территориально, то правом решения наделялось собрание уполномоченных с той же периодичностью созыва. За текущую работу отвечало правление во главе с председателем, кандидатура которого после избрания выносилась на бюро райкома партии, где, как правило, получала одобрение¹⁰. Проверками текущей деятельности занималась ревизионная комиссия из 3–5 заслуживающих доверия членов, не входивших в правление. До апреля 1958 г. председатели обоих кооперативных органов проходили через процедуру тайного голосования на общем собрании. В последующем вердикты по ним выносились открытым голосованием на заседаниях правления или ревкомиссии, которые получили право выдвигать кандидатов на ключевые должности из своего состава. Разрешался наем специалистов и вспомогательных рабочих без оформления членства в артели. Их число квотировалось в пределах 20% списочного состава предприятия. Для Всесоюзного союза кооперации инвалидов данное ограничение касалось привлечения здоровой рабочей силы.

Формы, методы, направления и интенсивность работы промысловые товарищества в значительной степени определяли самостоятельно. Опыт аналогичных отраслей государственного сектора служил им лишь ориентиром. Трудиться можно было в общей мастерской или, если имелись объективные причины (например, инвалидность, наличие иждивенцев, нуждающихся в уходе), то и на дому; шить изделия бригадным методом или на конвейере; чинить бывшие в употреблении вещи или изготавливать новые; а также выбирать степень занятости (полная, частичная, сезонная и т.д.). Размер заработка зависел не только от личных усилий каждого, но и от конечного результата деятельности коллектива. Полученный доход расходовался на уплату налогов, расширение производства, технику безопасности, пополнение страх- и культурфондов, на отпускные. Пятую часть чистой прибыли при отсутствии убытков прошлых лет устав разрешал распределять между членами артели пропорционально их вкладу в общее дело, т.е. зарплате. Ее размер в промкооперации в середине десятилетия достигал, в среднем, 480 руб. и около 50 руб. в месяц приходилось на «дивиденды». К слову, председателю РПС полагался персональный оклад 4 тыс. руб., почти как республиканскому министру. Рабочие местной промышленности получали 586 руб. [18. С. 36–37; 56].

Анализ структуры, а также отношений между элементами кооперативной системы 1950-х гг. свидетельствует, с одной стороны, о снижении волевого администрирования, а с другой – о возрождении и укреплении самоуправленческих начал. Соответственно повышались требования к качеству «человеческого материала», его способности к приобретению и использованию разнообразных знаний, умений, навыков. Поэтому закономерно, что в числе важных задач кооперативных организаций в уставе называлось «повышение культурного уровня членов, воспитание из них активных и сознательных строителей коммунистиче-

ского общества». С учетом реалий тех лет речь шла о совершенствовании морального и физического облика индивида, подчинении личных интересов общественному идеалу, т.е. о том, что сейчас принято связывать с «активной гражданской позицией».

Эту задачу призваны были решать артельные культсоветы. Они состояли из 5–15 человек, чаще всего коммунистов и комсомольцев. В крупных предприятиях культсоветы возглавляли освобожденные работники, одновременно являвшиеся зам. председателя артели по организационно-массовой, культурно-воспитательной работе и кадрам. О значении, которое придавалось формированию духовно-нравственного облика кооператоров, говорит тот факт, что заводы получали более высокие ставки, чем занятые на производстве. Оплата их труда и формирование необходимой материальной базы осуществлялись из специального культфонда, куда поступали отчисления в размере 1,8% от объема заработной платы и часть прибыли.

В каждом ОПС в обязательном порядке функционировали клубы с кружками по интересам и лекториями. Имелись библиотеки с десятками тысяч книг, музыкальные инструменты, радиоприемники, патефоны, театральные костюмы и декорации. Проводились смотры самодеятельности. Артисты-любители были востребованы на городских концертных площадках и в парках. В обязанности культсоветов входило оформление досок почета и бюллетеней производственных показателей, обновлявшихся каждые 10–15 дней. Важной сферой ответственности культактива была работа среди подростков и молодежи. Тех, кто не имел законченного среднего образования, побуждали посещать вечернюю школу, получивших аттестат зрелости направляли в средние специальные учебные заведения и вузы.

Большое внимание уделялось физкультурной и военной подготовке по линии спортобщества «Спартак», созданного в апреле 1935 г. и также финансировавшегося за счет средств культфонда и взносов его членов. Спортсмены-кооператоры выступали на областных и республиканских соревнованиях по легкой атлетике, волейболу, баскетболу, пулевой стрельбе, плаванию, мотокроссу, конькам и лыжам. Трудовые коллективы обеспечивали их проездными и командировочными при сохранении на период состязаний и сборов средней заработной платы. Призеров поощряли денежными премиями и путевками в дома отдыха. Фундаментом спортивных достижений служила массовость. Авторитет и заслуги добровольного общества «Спартак» в развитии физкультуры и спорта общепризнанны. Когда в 1960 г. промысловую кооперацию упразднили, его не стали ликвидировать, а передали профсоюзам. Спортобщество, возникшее благодаря энтузиазму горстки кооператоров, превратилось в мощную организацию, объединившую 21 тыс. физкультурных коллективов с более чем 1,5 млн участников [57. С. 38]. Неформальное общение членов промысловых товариществ, сочетавшее отдых с развитием их творческого и физического потенциала, способствовало накоплению в рабочих коллективах опыта позитивного взаимодействия. Сейчас обществоведы

называют это социальным капиталом, способным многократно увеличивать отдачу от инвестирования в капитал овеществленный и человеческий (орудия труда, обучение и проч.) [58. С. 78]. Он служит источником жизненных сил и оптимизма, без которых трудно достичь успехов на производстве и в личной жизни.

Идея о неразрывной связи трудового энтузиазма с культмассовой работой красной нитью проходила в репортажах ежемесячника «Промысловая кооперация». Возобновления его выхода, прекращенного в 1940 г., Роспромсовету пришлось добиваться, преодолевая настороженное отношение партийных чиновников. В 1947 г. СМ СССР принял по этому вопросу положительное решение, но оно было «положено под сукно». Спустя три года председатель Центропромсовета А.Е. Петрушев в письме на имя секретаря ЦК ВКП(б) М.А. Сулова вновь просил содействия в организации журнала, обещая обеспечить его собственной полиграфической базой. Ту же просьбу в 1952 г. он направил Г.М. Маленкову, напомнив, что до войны промкооперация имела 13 периодических изданий. В ответ на обращение заведующий сектором ЦК партии В. Воронцов произвел проверку материальной базы кооперативного издательства, сделал вывод о ее недостаточности и подчеркнул, что «роль КОИЗа в коммунистическом строительстве явно недооценена». Потребовалось три года согласований, чтобы журнал увидел свет [59. С. 52–53]. Его тираж определили в 40 тыс. экземпляров, периодичность – 12 номеров в год, розничную цену ограничили 3 руб. Каждое товарищество подписывалось на 2–3 экземпляра, которые в библиотеках не залеживались.

Ежемесячник пропагандировал задачу увеличения производства товаров народного потребления, улучшения их качества, внедрения новой техники и технологии, повышения производительности труда, широкого использования местных видов сырья и отходов крупной индустрии, поиска заменителей дефицитных материалов. Журналисты рассказывали о передовых предприятиях местной государственной и кооперативной промышленности, идеях новаторов. Зарекомендовавшие себя рацпредложения анализировались, приводились их чертежи, технические характеристики, условия и выгоды использования. Одна из популярных рубрик посвящалась будням промысловых кооперативов в странах «народной демократии». Отдельное направление работы редколлегии заключалось в обобщении практики управления делами артели, союза, промсовета, критике тех деятелей, которые пренебрежительно относились к прогрессивным формам организации производства, допускали бесхозяйственность, нарушения кооперативного устава и законов РСФСР. Статьи и фельетоны воспитывали читательскую аудиторию в духе непримиримости к недостаткам и ответственности за порученное дело. Наличие общесоюзного печатного органа сплачивало артельщиков, вооружало их четким видением проблем и перспектив, рождало корпоративную солидарность.

В артелях наряду с полноправными членами трудились наемные работники. Они были лишены права голоса на отчетно-выборных собраниях и не могли

претендовать на получение части прибыли по результатам хозяйственной деятельности за год. К их числу относились специалисты, вспомогательный персонал и служащие кооперативного аппарата. Последние не оформляли членство в артелях, чтобы не терять различные льготы, заслуженные при осуществлении трудовой деятельности в других отраслях, в том числе профсоюзный стаж. Их интересы защищал профсоюз рабочих местной промышленности, который в конце 1957 г. был слит с профсоюзом рабочих коммунального хозяйства. Профкомы должны были следить за соблюдением администрацией правил приема и увольнения, начислением зарплаты, выполнением коллективных договоров и улучшением жилищно-бытовых условий работников. За счет своего бюджета они финансировали проведение детских праздников, выделение путевок в санатории. Их полномочия распространялись на такие сферы, как поддержание трудовой дисциплины, оптимизация производственных процессов, развитие соцсоревнования. Для победителей учреждались денежные премии. Во многих товариществах допустимый предел найма – 20% – зача-

стную оказывался превышенным. Создание профорганизации влекло за собой штрафы, налагаемые финотделами. Альтернативой служило включение положительно зарекомендовавших себя работников в члены кооператива. Этим способом «убивали сразу двух зайцев» – избегали финансовых санкций и пополняли основные фонды.

Часть полученной прибыли поступала в промышленные страховые кассы (промстрахкассы), ведавшие пенсиями, оплатой больничных листов, рекреационными мероприятиями и детскими учреждениями. Доля названных статей в бюджете кооперативного страхования к концу 1950-х гг. исчислялась соответственно в 65, 19 и 16%. Страховые тарифы постоянно повышались, что обуславливалось расширением круга получающих пенсию и социальной политикой государства, стремившегося поднять жизненный уровень пенсионеров независимо от формы их прежней занятости¹¹. Почти в 2 раза они возросли после передачи наиболее оснащенных артелей в госпромышленность. Показатели пенсионного обеспечения в промышленной кооперации РСФСР отражены в табл. 1.

Таблица 1

Количественные показатели пенсионного обеспечения в системе промышленной кооперации РСФСР

	1955 г.	1959 г.
Пенсионеры	175 тыс.	280 тыс.
Средний размер пенсий	140 руб.	265 руб.
Пенсионные выплаты	265 млн руб.	831 млн руб.

Составлена автором по: [60. Л. 296–297].

В соответствии с утвержденным Роспромсоветом и Роспромстрахсоветом в июле 1956 г. «Положением о пенсиях» для мужчин, если они имели обычный, не связанный с тяжелыми условиями труда, минимальный стаж 25 лет, пенсионный возраст устанавливался

в 60 лет. Женщины, проработавшие два десятилетия, уходили на заслуженный отдых в 55 лет. Те, кто трудился на вредных производствах, и многодетные матери получали право на пенсию в 50 лет. Рассчитывалось содержание по следующей шкале (табл. 2):

Таблица 2

Порядок расчета размера пенсий в промышленной кооперации РСФСР (1956–1960 гг.) [61. С. 2]

Размер заработной платы, руб.	Размер пенсии, руб.
350	100%, не менее 300
350–500	85%, не менее 350
500–600	75%, не менее 425
600–800	65%, не менее 450
800–1 000	55%, не менее 520
Свыше 1 000	50%, не менее 550

Источник: Промысловая кооперация. 1956. № 9. С. 2.

Максимальная пенсия не могла превышать 1 200 руб. За непрерывный стаж свыше 15 лет или общий 35 лет полагалась надбавка 10%, за нетрудоспособных иждивенцев – от 10 до 15% [61. С. 2]. Пенсионное обеспечение было скромным, но оно соизмерялось со средним доходом работающего члена кооператива. Отметим немаловажную деталь: если различие в зарплате допускалось более чем втрое, то в размере пенсии – 1,8 раза. Законодатель исходил из презумпции: «старость уравнивает».

Роспромстрахсовету удалось создать солидную материальную базу здравоохранения и отдыха. I Всероссийский съезд работников кооперативного страхования (20–21 октября 1957 г., Москва) отмечал, что в системе функционировали 20 санаториев, 37 домов

отдыха, 436 здравпунктов (до передачи части артелей в госпромышленность в 1956 г. их было на треть больше). На каждую тысячу членов кооперативов ежегодно выделялось 98 бюджетных путевок, из них около 20% – бесплатно, остальные – за треть стоимости. Для малышей было организовано 555 детсадов и яслей [62. С. 33; 63. С. 38; 64. С. 13]. К концу десятилетия все они размещались уже не в арендованных, а в собственных зданиях и помещениях; на каждую сотню артельщиков репродуктивного возраста приходилось 2,9 места в детских учреждениях. Свыше 100 тыс. школьников из семей промышленников летом выезжали в пионерские лагеря [60]. На промстрахкассы и профкомы, среди прочего, возлагалась ответственность за охрану труда, технику безопасности,

промышленную санитарии. Далеко не все тут обстояло благополучно. Только за 9 месяцев 1950 г. штрафы за различные нарушения областные службы технадзора выписали 1 700 работникам кооперативов, а на 75 человек материалы были переданы в прокуратуру для возбуждения уголовных дел, так как их халатность привела к тяжелым последствиям [65].

Руководствуясь решениями декабрьского 1958 г. Пленума ЦК КПСС о расширении полномочий фабрично-заводских комитетов профсоюзов, Роспромстрахсовет в 1959 г. утвердил новое положение об областных советах кооперативного страхования. Они получали право участвовать в подведении итогов соцсоревнования, лишать премий и ставить вопрос о смещении нерадивых руководителей. В их компетенцию включили контроль за пунктами общественного питания, жилищным строительством, осуществляемом промкооперативной системой, и распределением новых квартир [66. С. 36].

«Большим» вопросом среди артельщиков, как, впрочем, и по стране в целом, являлся жилищный. В 1956 г. кооператоры РСФСР приняли целевую программу кредитования. Деньги аккумулировались на специальных счетах в Стройбанке, которые открывал Роспромсовет. Членам товариществ – рабочим, ИТР и служащим выдавались ссуды до 7 тыс. руб. на срок до 7 лет под 2% годовых, на просроченный платеж – 3%, с условием, что сумма не должна превышать половины сметной стоимости проекта. Остальное доплачивал сам застройщик. Конкретный размер вспомоществования устанавливался правлением и страховым советом артели, а в подразделениях кооперативного аппарата – профсоюзной организацией [67. С. 35].

Проведенный анализ показывает, что необходимость поднять жизненный уровень народа побудила власти в 1950-е гг. активизировать работу промышленной кооперации. Начались поиски организационных форм и методов работы, которые бы соответствовали ее сущности. Были восстановлены демократические механизмы управления и поставлена задача перейти от обслуживания государственных предприятий к массовому изготовлению потребительских товаров и услуг. Возвращение артелей к привычной деятельности по удовлетворению повседневного спроса сопровождалось оптимизацией кооперативного аппарата, укрупнением и специализацией

ряда производств. Многоотраслевой характер промышленной системы, возможность маневрирования собственными средствами, гибкость и приспособляемость к изменяющимся социальным условиям явились предпосылками, которые позволили за считанные годы превратить ее подразделения на местах в настоящие центры жизнеобеспечения. Параллельно происходило формирование особой «кооперативной» идентичности в производственных коллективах, доход которых целиком зависел от результатов хозяйствования. Этому способствовала социально-адаптационная и культурно-просветительская деятельность артельных правлений, культсоветов и профкомов. Обратной стороной процесса стало снижение восприимчивости к директивным сигналам, исходящим от партийных и советских органов. Это побудило власти в 1956 г. вернуть наиболее крупные и технически оснащенные коллективные предприятия в сферу влияния коммунистической бюрократии.

Однако взять на себя ответственность за состояние дел в каждом промышленном кооперативе правительство страны сразу не решилось, хотя именно этого требовали от него ортодоксы марксистско-ленинской идеологии. Будучи «островком» хозрасчета и самоокупаемости «в море» централизованного планирования, кооперативная промышленность сглаживала многие его огрехи и противоречия, продолжая наращивать свой потенциал и успешно осваивать новые сегменты рынка. Успехи кооперативного сектора породили глухое недовольство и раздражение партноменклатуры. В его укреплении она увидела вызов своему безраздельному господству. Для того чтобы обогатить политэкономия социализма концепцией «смешанной экономики», в тех условиях требовались недюжинные смелость и ум. Несмотря на достаточное количество свидетельств организационно-экономической эффективности и социальной полезности малых негосударственных предприятий, руководителей, интеллектуально способных к теоретическим новациям и не боящихся рисковать карьерой ради их продвижения, среди высокопоставленных функционеров «хрущевского» периода не нашлось. В итоге институт промышленной кооперации был ликвидирован, как не соответствующий цели строительства коммунизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Согласно теории И. Валлерстайна, капиталистическая «миросистема» представляет собой иерархически организованное пространство «центр–периферия», причем «периферия» в данной системе постоянно теряет прибыль в пользу «центра» или «ядра». Из этих средств создаются фонды, обеспечивающие производителей в «зоне ядра» дополнительными преимуществами в производстве уже существующих продуктов и позволяющие им создавать все больше новых редких продуктов, с помощью которых они возобновляют процесс скрытой эксплуатации [1. С. 89].

² В этом состоянии пребывают и многие нынешние руководители. Поменялась доктрина (с коммунистической на либеральную), но доктринальные ограничения по-прежнему препятствуют выработке взвешенной экономической политики, способной адекватно отвечать на «вызовы эпохи».

³ Существовал еще областной разномысловый союз, но в июле 1951 г. его расформировали с передачей артелей двум оставшимся союзам [19].

⁴ Подсчитано автором по: [20, 21].

⁵ Для сравнения: в Москве в 1953 г. было зарегистрировано 377 артелей, объединивших 110 тыс. членов. Они выпускали промышленной продукции на 4 млрд руб. и оказывали услуг на 700 млн руб. А во всей Туркменской СССР действовало 66 товариществ, из них 22 убыточных [25].

⁶ Решение о вхождении кооперации инвалидов в промкооперативную систему было, по-видимому, неправильным. На протяжении последующих двух лет численность артелей, где трудились увечные и слабые здоровьем люди, уменьшилась по РСФСР более чем на 1 400 еди-

ниц. В Челябинской области из 21 артели (данные на конец 1954 г.) спустя три года осталось всего 3 [29. С. 22; 30]. Министр социального обеспечения Н. Муравьева в апреле 1956 г. представила в СМ РСФСР докладную записку, в которой выразила озабоченность тем, что инвалидные товарищества, существуя уже в рамках промкооперации, распадаются: «В некоторых областях почти не осталось артелей инвалидов, а ликвидация их как самостоятельных артелей проходила с ведома и по решению облисполкомов. Только за один 1955 год количество артелей инвалидов сократилось на 340. В Курской области из 17 артелей осталось 3, в Псковской из 20 – 4, в Смоленской из 20 – 8». В записке говорилось, что заработки инвалидов падают, наблюдается резкий рост безработицы, и без того обездоленные люди попадают в тяжелое материальное положение. Муравьева предлагала сохранить существующие инвалидные кооперативы и передать им из государственной промышленности средства производства, позволяющие трудиться людям с нарушениями опорно-двигательных функций [31].

⁷ Подобная мера в отношении промсоюзов уже однажды предпринималась. Осенью 1941 г. в условиях перестройки на военный лад власти посчитали их промежуточным звеном, не игравшим особой роли в кооперативном аппарате. Вскоре обнаружилась ошибочность подобных представлений. Без союзов, знавших нужды и слабые места конкретного производства, систему залихорадило. Уже в январе–феврале 1942 г. союзы повсеместно были восстановлены [32. С. 130]. В 1956 г. негативные последствия этого решения были смягчены тем обстоятельством, что сырьевой баланс кооперативов от половины до двух третей формировался за счет фондовых поставок, а готовую продукцию почти полностью выбирали различные ведомства, учреждения и торговые организации. Тем не менее в ходе отчетно-выборной кампании, проходившей в артелях области в январе–феврале 1958 г., перечень претензий в адрес облпромсовета, связанных с обеспечением сырьем, оборудованием, запчастями, занял 11 страниц машинописного текста [33]. Проведенная централизация управления деятельностью промысловых товариществ соответствовала духу июльского 1955 г. Пленума ЦК КПСС, объявившего о грядущей передаче в госпромышленность тех артелей, которые перестали носить кустарный характер, хотя точные сроки не назывались.

⁸ Подсчитано автором по: [44].

⁹ В мае 1950 г. работники Госплана провели проверку труда надомников, которыми, в основном, оформлялись инвалиды и многодетные матери. Выяснилось, что они зачастую выступали в роли субподрядчиков, т.е. сдавали заказы на сторону за некий процент либо нанимали себе «помощников». Кстати, вплоть до начала 1950-х гг. надомники широко использовались не только в промкооперации, но и в госпромышленности. Им в аренду передавалось оборудование, а они, организуя неподнадзорные «бригады», большую часть продукции реализовывали на городских рынках. Артели таким сотрудничеством были довольны, устанавливая «бригадирам» солидную доплату [53].

¹⁰ Статью 37 в новом проекте примерного устава промартели (1950 г.) о выборах председателя общим собранием членов руководитель Центрпромпromсовета А.Е. Петрушев заранее согласовал с заведующим отделом легкой промышленности ЦК ВКП(б) Н.М. Пеговым [55].

¹¹ См., например, Постановление СМ РСФСР от 15.09.1956 г. № 634 «О пенсиях по кооперативному страхованию», по которому по всей Российской Федерации устанавливались единые условия и нормы пенсионного обеспечения рабочих и служащих [40. С. 597].

ЛИТЕРАТУРА

1. Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2008. 176 с.
2. Егоров В. Место и роль кооперации в цивилизационном пространстве // Вопросы экономики. 2005. № 4. С. 87–99.
3. История и теория кооперативного движения. URL: <http://uchebnik.kz/istoriya-i-teoriya-kooperativnogo-dvizheniya/57-opyt-razvitiya-i-likvidaciya-promyslovoy-kooperacii> (дата обращения: 11. 10. 2014 г.).
4. Япония – 2000: консерватизм и традиционализм. М. : Вост. лит., 2000. 303 с.
5. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. М. : Прогресс, 1996. 285 с.
6. Шанин Т. Формы хозяйства вне систем // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 109–115.
7. Ханин Г. Десятилетие триумфа советской экономики // Свободная мысль – XXI. 2002. № 5. С. 72–89.
8. Социалистическая кооперация: история и современность. М. : Наука, 1989. 223 с.
9. Плановое хозяйство. 1951. № 4.
10. Промысловая кооперация. 1955. № 6.
11. История социалистической экономики СССР. Т. 6. Восстановление народного хозяйства СССР. Создание экономики развитого социализма. 1946 – начало 1960-х гг. М. : Наука, 1980. 589 с.
12. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8101. Оп. 1. Д. 831. Л. 180.
13. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 965. Оп. 5. Д. 125. Л. 27.
14. Приложение к журналу «Промысловая кооперация». 1960. № 5, 7.
15. Назаров П.Г. История Российской промысловой кооперации. 1932–1952. Часть VIII. Челябинск, 1994. 71 с.
16. Постановление СМ РСФСР «Об образовании Советов промысловой кооперации в краях, областях, городах республиканского подчинения» № 868 от 22 июля 1950 г. // Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. Т. 4. 1948–1953. М. : Госюриздат, 1958. 619 с.
17. Назаров П.Г. Промысловая кооперация РСФСР и экономическая политика Советского государства. 1950–1960 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. : МГУ, 1991. 24 с.
18. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 152. Л. 412.
19. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 90. Л. 121.
20. ОГАЧО. ПФ. 288. Оп. 16. Д. 308. Л. 36.
21. РГАЭ. Ф. 8101. Оп. 1. Д. 94. Л. 14.
22. РГАЭ. Ф. 8101. Оп. 1. Д. 94. Л. 15, 16.
23. ОГАЧО. Ф. 1318. Оп. 2. Д. 105. Л. 220, 224, 225.
24. ОГАЧО. Ф. 493. Оп. 1. Д. 48. Л. 6, 9, 10.
25. РГАЭ. Ф. 8101. Оп. 1. Д. 29. Л. 284.
26. Население России в XX в. : исторические очерки. Т. 2. 1940–1959. М. : РОССПЭН, 2001. 416 с.
27. РГАЭ. Ф. 8101. Оп. 1. Д. 94. Л. 14.
28. Челябинский рабочий. 1954, 19 окт.
29. Промысловая кооперация. 1956. № 11.
30. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 181. Л. 110.
31. Каменева О. «Не везет им в смерти»? – судьба инвалидных кооперативов в России. Отечественные записки. 2004. № 2. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=17&article=856> (дата обращения: 20.01.2015).
32. Пасс А. А. «Другая экономика»: производственные и торговые кооперативы на Урале в 1939–1945 гг.». Челябинск : ЧелГУ, 2002. 386 с.
33. ОГАЧО. Ф.965. Оп. 5. Д.196. Л. 338–348.
34. РГАЭ. Ф. 8101. Оп. 1. Д. 832. Л. 149.
35. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 181. Л. 9.
36. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 180. Л. 147.
37. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 189. Л. 61.
38. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. 1953–1961. М. : Политиздат, 1968. 775 с.
39. История советского рабочего класса. Т. 4. Рабочий класс СССР в годы упрочения и развития социалистического общества 1945–1960 гг. М. : Наука, 1987. 519 с.

40. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. Т. 5. 1954–1956. М. : Госюриздат, 1959. 703 с.
41. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8 (1946–1955). М. : Политиздат, 1985. 542 с.
42. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 7. Д. 132. Л. 24.
43. XX съезд КПСС 14–25 февраля 1956 г. / Стенографический отчет : в 2 т. М. : Госполитиздат, 1956. Т. 2. 560 с. М. 1956.
44. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 210. Л. 1, 6, 7, 61, 62, 71.
45. ОГАЧО. Ф. 804. Оп. 15. Д. 770. Л. 18.
46. Промысловая кооперация. 1957. № 10.
47. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 176. Л. 12.
48. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 216. Л. 43.
49. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 216. Л. 59, 60.
50. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 122. Л. 43, 163, 236, 238.
51. РГАЭ. Ф. 8101. Оп. 1. Д. 2115. Л. 10, 11.
52. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 218. Л. 24–27.
53. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 259. Оп. 6. Д. 7810. Л. 3, 22, 113–115.
54. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 196. Л. 322, 323.
55. РГАЭ. Ф. 8101. Оп. 1. Д. 65. Л. 40.
56. Кудрявцев А.С. и др. Экономика труда. М. : Профиздат, 1957. URL: <http://www.tehly.ru/trud16.html> (дата обращения: 09.01.2012).
57. Промысловая кооперация. 1960. № 7.
58. Патнэм Р. Процветающая комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь // *Мировая экономика и международные отношения*. 1995. № 4. С. 77–86.
59. Назаров П.Г. История Российской промышленной кооперации. 1932–1960. Челябинск, 1994. 132 с.
60. ГАРФ. Ф. 396. Оп. 1. Д. 496. Л. 303, 304.
61. Промысловая кооперация. 1956. № 9.
62. Промысловая кооперация. 1956. № 1.
63. Промысловая кооперация. 1956. № 8.
64. Промысловая кооперация. 1958. № 1.
65. РГАЭ. Ф. 8101. Оп. 1. Д. 29. Л. 180.
66. Промысловая кооперация. 1958. № 12.
67. Промысловая кооперация. 1960. № 7.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 сентября 2018 г.

The Organization Structure of Cooperative “Business” in the USSR (1950s)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 151–162.

DOI: 10.17223/15617793/438/20

Andrey A. Pass, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: pass_andrey@mail.ru

Keywords: Soviet Union; 1950s; producers’ cooperation; Russian Producers Board; nationalization cooperative industries.

The article analyses the principles of building the producers’ cooperative system that existed in the Soviet Union until its nationalization in 1960. The quantitative and qualitative parameters of the development of various kinds of industrial cooperation in national and regional aspects, as well as the activities of the authorities to restore the elected self-government bodies, are shown. A separate part of the article focuses on the policies of the ruling Communist Party, which, on the one hand, expressed the need to improve the workers’ standard of living and support small cooperative enterprises, which could affect the solution of the stated task, and, on the other, gradually strengthened the administrative pressure on them. A set of measures aimed at improving the effectiveness of cooperative industry is presented. Among them are specialization, including the emergence of new offices, shops and workshops; technical re-equipment; refurbishment of the balance, etc. Attention is paid to the provisions of the charter which governed activities of the cooperative. The forms, methods and criteria of remuneration of the members of producer associations, education and physical education work, organization of housing, social insurance and health care are described in detail. A separate part of the article tells about the status of employees. After a long break, the publication of the monthly profile magazine *Promyslovaya Kooperatsiya* [Producers’ Cooperative Society] was resumed. Its role in the promotion and dissemination of knowledge of best practices and advanced technologies is described. It is stated that the benefits cooperatives possessed compared with similar state enterprises of local subordination (belonging to different industries, ability to maneuver their own means, flexibility and adaptability to changing social conditions) allowed them to become real life support centers of cities and settlements in a short time. In the conclusion, reasons for the elimination of producers’ cooperatives are given. Based on self-supporting and self-sustaining bases, cooperatives quickly mastered new segments of the consumer market and constantly raised their profitability. Their successes gave rise to the discontent of the party’s “nomenclature” that saw cooperatives as a challenge to their own unbridled domination. As a result, the producers’ cooperative system was found non-conforming with the lofty goal of building communism.

REFERENCES

1. Wallerstein, I. (2008) *Istoricheskiy kapitalizm. Kapitalisticheskaya tsivilizatsiya* [Historical capitalism with capitalist civilization]. Translated from English. Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK.
2. Egorov, V. (2005) Mesto i rol’ kooperatsii v tsivilizatsionnom prostranstve [Place and role of cooperation in the civilization space]. *Voprosy ekonomiki*. 4. pp. 87–99.
3. Sakharova, D.B. & Kotov, I.S. (2005) *Istoriya i teoriya kooperativnogo dvizheniya* [History and theory of the cooperative movement]. [Online] Available from: <http://uchebnik.kz/istoriya-i-teoriya-kooperativnogo-dvizheniya/57-opyt-razvitiya-i-likvidatsiya-promyslovoy-kooperatsii>. (Accessed: 11.10.2014).
4. Zhukov, A.B. et al. (eds) (2000) *Yaponiya – 2000: konservativizm i traditsionalizm* [–2000: conservatism and traditionalism]. Moscow: Vost. lit.
5. Putnem, R. (1996) *Chto by demokratiya srabotala* [Making democracy work]. Translated from English. Moscow: Progress.
6. Shanin, T. (1990) *Formy khozyaystva vne sistem* [Forms of economy outside systems]. *Voprosy filosofii*. 8. pp. 109–115.
7. Khanin, G. (2002) *Desyatiletie triumfa sovetskoy ekonomiki* [Decade of triumph of the Soviet economy]. *Svobodnaya mysl’ – XXI*. 5. pp. 72–89.
8. Nikiforov, L.V. (ed.) (1989) *Sotsialisticheskaya kooperatsiya: istoriya i sovremennost’* [Socialist cooperation: history and modernity]. Moscow: Nauka.
9. *Planovoe khozyaystvo*. (1951) 4.

10. *Promyslovaya kooperatsiya*. (1955) 6.
11. Gladkov, I.A. (ed.) (1980) *Istoriya sotsialisticheskoy ekonomiki SSSR* [History of the socialist economy of the USSR]. Vol. 6. Moscow: Nauka.
12. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 8101. List 1. File 831. Page 180. (In Russian).
13. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 965. List 5. File 125. Page 27.
14. *Promyslovaya kooperatsiya*. (1960). Supplements. 5, 7.
15. Nazarov, P.G. (1994) *Istoriya Rossiyskoy promyslovoy kooperatsii. 1932–1952* [History of the Russian producer cooperation]. Pt. VIII. Chelyabinsk: [s.n.].
16. Kopylovskaya, M.A. et al. (eds) (1958) *Postanovlenie SM RSFSR “Ob obrazovanii Sovetov promyslovoy kooperatsii v krayakh, oblastyakh gorodakh respublikanskogo podchineniya” № 868 ot 22 iyulya 1950 g.* [Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR “On the formation of Councils of producer cooperation in the territories and regions of cities of republican subordination” No. 868 of July 22, 1950]. In: *Khronologicheskoe sobranie zakonov, ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta i postanovleniy Pravitel'stva RSFSR* [Chronological collection of laws, decrees of the Presidium of the Supreme Soviet and resolutions of the Government of the RSFSR]. Vol. 4. 1948–1953. Moscow: Gosyurizdat.
17. Nazarov, P.G. (1991) *Promyslovaya kooperatsiya RSFSR i ekonomicheskaya politika Sovetskogo gosudarstva. 1950–1960 gg.* [Producer cooperation of the RSFSR and the economic policy of the Soviet state. 1950–1960]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow: Moscow State University.
18. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 965. List 5. File 152. Page 412. (In Russian).
19. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 965. List 5. File 90. Page 121. (In Russian).
20. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 288. List 16. File 308. Page 36. (In Russian).
21. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 8101. List 1. File 94. Page 14. (In Russian).
22. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 8101. List 1. File 94. Pages 15, 16. (In Russian).
23. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 1318. List 2. File 105. Pages 220, 224, 225. (In Russian).
24. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 493. List 1. File 48. Pages 6, 9, 10. (In Russian).
25. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 8101. List 1. File 29. Page 284. (In Russian).
26. Zhiromskaya, V.B. (ed.) (2001) *Naselenie Rossii v XX v.: istoricheskie ocherki* [The population of Russia in the twentieth century: historical essays]. Vol. 2. 1940–1959. Moscow: ROSSPEN.
27. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 8101. List 1. File 94. Page 14. (In Russian).
28. *Chelyabinskiy rabochiy*. (1954) 19 October.
29. *Promyslovaya kooperatsiya*. (1956) 11.
30. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 965. List 5. File 181. Page 110. (In Russian).
31. Kameneva, O. (2004) “Ne vezet im v smerti”? – sud’ba invalidnykh kooperativov v Rossii [“No luck in death”? – The fate of cooperatives of the disabled in Russia]. *Otechestvennye zapiski*. 2. [Online] Available from: <http://www.strana-oz.ru/?numid=17&article=856>. (Accessed: 20.01.2015).
32. Pass, A.A. (2002) “*Drugaya ekonomika*”: proizvodstvennye i torgovye kooperativy na Urale v 1939–1945 gg. [“A Different Economy”: production and trade cooperatives in the Urals in 1939–1945. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University.
33. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 965. List 5. File 196. Pages 338–348. (In Russian).
34. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 8101. List 1. File 832. Page 149. (In Russian).
35. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 965. List 5. File 181. Page 9. (In Russian).
36. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 965. List 5. File 180. Page 147. (In Russian).
37. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 965. List 5. File 189. Page 61. (In Russian).
38. Chernenko, K.U. & Smirnyukov, M.S. (1968) *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam* [Party and government decisions on economic issues]. Vol. 4. 1953–1961. Moscow: Politizdat.
39. Tel’pukhovskiy, V.B. et al. (eds) (1987) *Istoriya sovetskogo rabocheho klassa* [The history of the Soviet working class]. Vol. 4. Moscow: Nauka.
40. Kopylovskaya, M.A. et al. (eds) (1959) *Khronologicheskoe sobranie zakonov, ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta i postanovleniy Pravitel'stva RSFSR* [Chronological collection of laws, decrees of the Presidium of the Supreme Council and resolutions of the Government of the RSFSR]. Vol. 5. 1954–1956. Moscow: Gosyurizdat.
41. Politizdat. (1985) *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s’ezdov, konferentsiy i plenumov TsK* [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. Vol. 8 (1946–1955). 9th ed. Moscow: Politizdat.
42. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 965. List 7. File 132. Page 24. (In Russian).
43. Gospolitizdat. (1956) *XX s’ezd KPSS 14–25 fevralya 1956 g. Stenograficheskiy otchet: v 2 t.* [XX Congress of the CPSU, February 14–25, 1956. Stenographic report: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Gospolitizdat.
44. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 965. List 5. File 210. Pages 1, 6, 7, 61, 62, 71. (In Russian).
45. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 804. List 15. File 770. Page 18. (In Russian).
46. *Promyslovaya kooperatsiya*. (1957) 10.
47. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 965. List 5. File 176. Page 12. (In Russian).
48. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 965. List 5. File 216. Page 43. (In Russian).
49. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). F.965. List 5. File 216. Pages 59, 60. (In Russian).
50. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 965. List 5. File 122. Pages 43, 163, 236, 238. (In Russian).
51. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 8101. List 1. File 2115. Pages 10, 11. (In Russian).
52. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 965. List 5. File 218. Pages 24–27. (In Russian).
53. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 259. List 6. File 7810. Pages 3, 22, 113–115. (In Russian).
54. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 965. List 5. File 196. Pages 322, 323. (In Russian).
55. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 8101. List 1. File 65. Page 40. (In Russian).
56. Kudryavtsev, A.S. et al. (1957) *Ekonomika truda* [Economy of labor]. Moscow: Profizdat, [Online] Available from: <http://www.tehly.ru/trud16.html>. (Accessed: 09.01.2012).
57. *Promyslovaya kooperatsiya*. (1960) 7.
58. Putnem, R. (1995) *Prosvetayushchaya kom’yuniti, sotsial’nyy kapital i obshchestvennaya zhizn’* [Social capital, the social economy and community development]. Translated from English. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 4, pp. 77–86.
59. Nazarov, P.G. (1994) *Istoriya Rossiyskoy promyslovoy kooperatsii. 1932–1960* [History of the Russian producer cooperation. 1932–1960]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Technical University.
60. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 396. List 1. File 496. Pages 303, 304. (In Russian).
61. *Promyslovaya kooperatsiya*. (1956) 9.
62. *Promyslovaya kooperatsiya*. (1956) 1.
63. *Promyslovaya kooperatsiya*. (1956) 8.
64. *Promyslovaya kooperatsiya*. (1958) 1.
65. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 8101. List 1. File 29. Page 180. (In Russian).
66. *Promyslovaya kooperatsiya*. (1958) 12.
67. *Promyslovaya kooperatsiya*. (1960) 7.